

Бабушка Ло глубоко вздохнула и, стараясь утешить, произнесла:

— Спи спокойно, не бойся. Ты в безопасности.

— Но...

— На тебе нет следов одержимости, ты лишь «зацеплен». Я не стану хвастаться, что я первая среди Чумасянь, но в наших краях, в Цилу, еще не родился такой демон, который посмел бы отнять человека у Мастера Цзинцзуна.

— ...Правда?

Под неоднократными заверениями Бабушки Ло Бай Циюй с трудом, но все же смог унять панику и сдержать слезы.

Вспомнив, с каким благоговением — граничащим с настоящим ужасом — относились бессмертные внутри Цинь Гуаньхэ к «Мастеру Цзинцзуну», Бай Циюй невольно перевел взгляд на величественный, внушающий трепет свиток с именами.

Ответ на вопрос, кому принадлежит это грозное и исполненное величия «божественное имя» в самом центре, напрашивался сам собой.

Мастер Цзинцзун... неужели он и есть божество-покровитель города Цзиндэ?

Ранее Бай Циюй изучал материалы и знал, что пять великих бессмертных имеют разный нрав: Хуан (желтый ласка) любит прихвастнуть, Ху (лиса) высокомерна и кичлива, Бай (еж) сторонится мира и молчалив, Лю (змея) угрюма и упряма, а Хуэй (крыса) хитра и эгоистична.

Более того, реакция при одержимости зависит от духовной практики Дима и силы самого бессмертного.

В Цинь Гуаньхэ явно вселился хвастливый Хуан, а в Бабушку Ло — угрюмый и упрямый Лю, который успел обронить пару слов. Но... кем же является Мастер Цзинцзун?

Как ни ломал голову Бай Циюй, он не мог соотнести Мастера Цзинцзуна ни с одним из пяти великих бессмертных.

Хань-сао проводила Бай Циюя в комнату на солнечной стороне. Убранство было изящным и уютным, напоминающим гостевой дом. Трудно было представить, что в этом ветхом городском поселке скрывается такое священное место, как алтарь Бабушки Ло.

К сожалению, Бай Циюй был измотан и телом, и душой. Ему было не до красоты интерьера, и, едва коснувшись подушки, он провалился в сон.

И снова ему приснилось, что его похитили.

На этот раз его засунули в нейлоновый мешок, и тело подпрыгивало при каждом шаге того, кто его нес. Похоже, похититель тащил его на себе.

Мрачное, удушающее чувство замкнутого пространства сводило с ума. Он хотел вырваться, закричать, но не мог пошевелиться и от ужаса не мог издать ни звука.

Неизвестно, сколько прошло времени — час или десять, — но наконец мешок бросили на ровную поверхность.

Здесь было очень светло.

Свет проникал сквозь плотную ткань, обжигая глаза. И в тот самый миг, когда он увидел свет...

Тысячи искаженных улыбающихся лиц набросились на него, чтобы растерзать.

Они визжали, как дикие звери, жадные и жестокие, и в руках у каждого было оружие. Тесаки, кухонные ножи, даже жуткие бензопилы — все это вонзалось в его тело.

Словно участвуя в соревновании по убийству, они не обращали внимания на его муки, позволяя крови и сокам брызгать на лица и на пол. Воздух пропитался приторным запахом сырого мяса.

Это было так больно, так безнадежно. Разве он сделал что-то не так?

Бай Циюй хотел плакать, хотел сойти с ума, но, будучи во сне, даже не мог закрыть глаза.

Когда пытка закончилась, он беспомощно наблюдал, как люди уносят его оторванные конечности, словно трофеи. Даже его сознание было расчленено на сотни мелких частей. Он видел глазами грабителей, как они богатеют, живут роскошной жизнью, даже уезжают за океан, избегая наказания.

А он — не мог пошевелиться, не мог сказать ни слова, навеки запертый в собственных раздробленных останках.

— Нет... нет, спасите меня, спасите... умоляю...

Его рот и нос были полны приторного запаха — это была жизненная влага, вытекавшая из его собственного тела. Она была до тошноты сладкой, сладкой до безумия.

Он умирал.

— Где ты?

Бай Циюй бессознательно пробормотал:

— Кто-нибудь, спасите меня...

— Скажи мне, где ты...

— Я не могу тебя найти...

Он уже хотел выкрикнуть имя Бабушки Ло, но внезапно очнулся, поняв, что чуть не попался на уловку.

У его кровати спорили два голоса, раздражая и сбивая с толку: «Сколько ты собиралась это скрывать?», «Что вы вообще творите?»

Сквозь пелену слез, оставшихся от сна, он увидел Ли Таогэ и его сестру Ли Симин.

Та самая стильная девушка, которую он мельком видел в пекарне, сегодня была в ритуальном одеянии: темно-синяя ткань с узором белых журавлей выглядела величественно и таинственно.

На ее красивом лице не было косметики, но на лбу, у глаз и под ними были нанесены странные узоры масляными красками, придавая ей неземной вид.

В отличие от традиционного ханьфу, ее юбка доходила лишь до колен, открывая туго обмотанные штанины и странные сапоги. В левой руке она держала латунный колокольчик, в правой — горящую белую свечу, готовясь к какому-то обряду.

Бай Циюй заметил, что, в отличие от Бабушки Ло, у Ли Симин на пальцах не было божественных знаков — вместо этого все ее руки были покрыты плотной вязью маньчжурских письмен.

Заметив, что Бай Циюй проснулся, они наконец замолчали.

Ли Таогэ быстро подошел к кровати:

— Ты не успокоишься, пока не доведешь меня до инфаркта, да? Если бы моя сестра не скрывала, что ты здесь, я бы уже давно вызвал полицию!

Бай Циюй не знал, что Ли Таогэ держали в неведении, но даже если бы знал, все равно предпочел бы молчать.

— Я... — он с мольбой посмотрел на Ли Симин. — Может, спросите у госпожи Ли?

Красивая девушка приподняла бровь:

— Разве не естественно, что «атеиста» держат в неведении?

— Ты!

Ли Симин повысила голос:

— Что ты, что ты? Думаешь, ты можешь помочь? Не мешайся под ногами, черт возьми! Человек с таким трудом уснул, ты думаешь, твой шум здесь уместен?

— Я мешаюсь? — Ли Таогэ был возмущен. — Ты молча увезла его, ты хоть представляешь, что я чувствовал, когда не мог с ним связаться?

— А ты знаешь, как больно было бабушке несколько лет назад? Нет, не знаешь! — Ли Симин усмехнулась. — Опять хочешь в полицию? Иди, вызывай! Пусть нас всех арестуют, а твои друзья погибнут!

Ли Таогэ замер, словно какая-то фраза попала в самое больное место, и лишился дара речи.

Заметив это, Ли Симин, похоже, пожалела о своих резких словах. Она стиснула зубы, отвернулась и спустя долгое время махнула рукой:

— Я... я пойду. Духи требуют долги, ребенок скоро сгорит от лихорадки, мне нельзя медлить.

— Сяо Си!

Но Ли Симин не обернулась и почти сбежала.

Звук ее шагов затих, в комнате снова воцарилась тишина. Бай Циюй и Ли Таогэ обменялись

сложными взглядами, не зная, что сказать.

После сна Бай Циюю не стало лучше, скорее наоборот. Он слабо прислонился к изголовью, закутавшись в одеяло. Хотя на дворе была ранняя осень и температура держалась около десяти градусов, под тяжелым пуховым одеялом ему не было жарко. Любог знакомый, увидев его сейчас, не поверил бы своим глазам и решил бы, что он смертельно болен.

Ли Таогэ присел на корточки и коснулся тыльной стороной ладони лба Бай Циюя, вздрогнув от ледяной кожи.

— Такой холодный... замерз?

Бай Циюй покачал головой:

— Ничего не чувствую.

Ли Таогэ все же нашел грелку, налил в нее кипятка из кулера и без лишних слов сунул под одеяло. Затем он налил стакан горячей воды, попробовал сам и только потом поднес к губам Бай Циюя.

Бай Циюй не привык, чтобы его поили люди, не являющиеся его близкими, и неловко потянулся рукой.

— ...Спасибо, я сам.

Бай Циюй искренне не хотел втягивать Ли Таогэ в это дело. Сегодня понедельник, он должен был быть на работе, смеяться с однокурсниками, оставаться успешным художником.

Но мужчина перед ним выглядел изможденным: его непослушные кудри спутались, на штанах виднелись следы травы и грязи — еще немного, и он стал бы похож на бродягу. Бай Циюй никогда не видел Ли Таогэ таким.

Он наверняка долго искал его, но первым делом спросил о самочувствии, ни словом не упрекнув за доставленные хлопоты. Это вызвало у Бай Циюя бурю чувств: благодарность, вину и сожаление.

Молча допив воду, Ли Таогэ забрал пустой стакан, чтобы снова наполнить его.

Глядя на широкую спину мужчины, Бай Циюй хрипло произнес:

— Прости, я не знал, что Бабушка Ло — твоя бабушка... Я не хотел скрывать.

Ли Таогэ жестом велел ему выпить еще и вздохнул:

— В тот день, когда ты звонил, я даже не понял, как тебе было плохо... Почему ты не сказал, что план с отелем провалился?

Бай Циюй опустил голову:

— Не хотел втягивать тебя.

— Сяо Бай, — голос Ли Таогэ стал глухим, — ты мог бы доверять мне больше.

Он взял руку Бай Циюя, лежавшую поверх одеяла, и согрел ее своими широкими ладонями. После того случая с объятиями, пахнувшими «тем самым мужчиной», Ли Таогэ стал вести себя более фамильярно, словно общая тайна неизбежно сближала их.

Бай Циюй не очень любил прикосновения, но слова Ли Таогэ... Он опустил взгляд на сильные руки мужчины и не стал сопротивляться.

— Дело не в недоверии. Наоборот, я слишком сильно тебе доверяю, поэтому так и поступил.

Ли Таогэ перебил его:

— Если бы я оказался в беде, ты бы помог мне?

— Да, — не задумываясь ответил Бай Циюй.

— Вот и все. Разве не нормально — подставить плечо брату?

— Это другое... Это не то, что можно решить просто помощью, — Бай Циюй покачал головой. — То, что я до сих пор жив — случайность. Я не могу ставить на кон жизни тех, кто мне дорог.

Его цель — совокупление, вот почему он до сих пор влачил жалкое существование. То, что Ци Жун остался жив, было чудом. Вспоминая ту кошмарную ночь, Бай Циюй не мог не содрогнуться: он чуть не погубил Ци Жуна.

А теперь цель монстра достигнута.

Бай Циюй не хотел даже думать о том, что будет, если в этот момент в дело вмешается еще и Ли Таогэ.

Но Ли Таогэ рассмеялся:

— С чего ты взял, что мы все тут погибнем? Моя бабушка и сестра такие сильные, да и у меня интуиция получше, чем у обычных людей. Может, это мой шанс — «три года прошло, Драконию Король вернулся, я стану Чумасянь и достигну вершины жизни»? Хватит этой подростковой драмы, дружище, не такая уж это беда.

У Бай Циюя защемило в груди.

— Даже... я чувствую, что должен извиниться перед тобой. Если бы я не занимался самообманом и раньше понял, что «Бабушка Ло», которую ты искал — это моя бабушка, возможно, тебе не пришлось бы столько пережить.

Когда мужчина перед ним улыбался, в нем всегда чувствовалась легкая дерзость. Его глаза, узкие, но с угольно-черными зрачками, когда он смотрел внимательно, казались горящими, окутывая собеседника теплом и нежностью. У него была удивительная способность заражать других оптимизмом.

Бай Циюй долго смотрел на него, их взгляды встретились, и в конце концов они невольно рассмеялись.

Бай Циюй подумал: раз уж он живет у Бабушки Ло и полагается на нее, избежать общения с Ли Таогэ все равно не удастся. А раз Бабушка Ло может защитить его, постороннего, то за безопасность Ли Таогэ, должно быть, можно не волноваться.

С этой мыслью чувство вины за то, что он втянул Ли Таогэ в это дело, немного утихло.

— Ладно, теперь, когда твоя бабушка мне помогает, я могу быть спокоен... — на душе у Бай Циюя потеплело, появились силы думать о другом. — Который час?

— Только одиннадцать. Кстати... не волнуйся о работе, я утром взял отгул за нас обоих.

— Ци-гэ ничего не сказал?

Ли Таогэ хитро улыбнулся:

— Вслух ничего, но наверняка гадал, почему я взял отгул за тебя. Конечно, я намекнул, что мы вместе.

Вспомнив, как Ци Жун, должно быть, волновался, не сумев связаться с ним после воскресенья, Бай Циюй почувствовал укол совести. Но... в эпицентре бури не должно быть лишних людей.

— Еще не спросил, где твой телефон? — Ли Таогэ сменил тему. — Ци Жун, этот пес, тоже говорил, что не может до тебя дозвониться. Если бы я не взял отгул, он бы вызвал полицию быстрее, чем я успел бы моргнуть.

Бай Циюй усмехнулся:

— Я пропадал всего день... не стоило так волноваться.

Он сбивчиво рассказал, как его перевезли сюда из леса и что телефон пропал, конечно, умолчав о том, что его принуждала к «совокуплению» темная тень.

Ли Таогэ замер:

— Совокупление? Погоди... кажется, я начинаю понимать!

Он сказал, что в мифах Ктулху не так много существ, которые приближаются к людям с целью «совокупления». В конце концов, существует биологическая изоляция, да и для большинства богов люди не представляют эстетической ценности. Но если цель — чистое «размножение», то кандидатов немало.

— Например, одна из трех великих богов — Шуб-Ниггурат, знаменитая «Мать всего сущего», «Богиня темного плодородия», «Черная коза лесов с тысячью молодых», она как раз богиня размножения.

— Три великих бога?

Ли Таогэ объяснил:

— Понимай это как трех самых крутых богов в этой системе, конечно, за исключением Азатота... Азатот — создатель вселенной, отец всех вещей и богов. Три великих бога — его порождения.

— О, что-то вроде Хаоса в греческой мифологии или Бога в иудаизме? Значит, три великих бога — это как три первородных божества, рожденных Хаосом?

— Да... только они гораздо злее, хаотичнее и непостижимее. Шуб-Ниггурат — это нечто вроде гибрида Геи и Эроса. Все, что она делает — это «размножение». Больше половины внешних

богов в системе Ктулху порождены ею. Знаешь, насколько она плодovита? Такие муравьи, как люди, могут забеременеть, просто взглянув на нее.

— Погоди... — Бай Циюй не выдержал. — Тот, кого я встретил, кажется, был мужчиной...

Ли Таогэ развеял его надежды:

— Пол — это узкое, низшее понятие, присущее существам, не способным к самовоспроизводству. Для высших владык пола не существует. В дополнении «Великий Пан» воплощением Шуб-Ниггурат является мужчина-полукозел. Говорят, он выбирает среди людей особей с высокой плодовитостью, способных дать отличное потомство, и совокупляется с ними.

Ли Таогэ открыл телефон, долго искал информацию и наконец сказал:

— Черт, чем больше я читаю, тем больше... похоже.

Он переслал Бай Циюю несколько картинок в WeChat.

— ...Сгусток пульсирующего черного тумана, отростки тумана напоминают органы... скользкие черные щупальца, искривленные короткие ноги, на концах — черные копыта, как у скота... Каждую секунду, каждое мгновение оно размножается, порождает потомство, и там, где оно проходит, рождаются детеныши черной козы...

Ли Таогэ не смог продолжать:

— Черт, это же так жутко, почему мне кажется...

В голове Бай Циюя загудело. Одно лишь описание и вид этих зловещих картинок вызывали у него сильное отвращение. В желудке все перевернулось: темные липкие щупальца из сна, клубящиеся тени, тысячи искаженных рук...

Мифы — это часто фрагментарные сведения, увиденные разными людьми, и в состоянии крайнего ужаса легко ошибиться или неверно истолковать увиденное. Чем дольше он смотрел, тем больше «Оно» сливалось с образом «Шуб-Ниггурат».

— Хватит, — Бай Циюй крепко зажмурился. — Там сказано, что делать, если встретишь его?

Услышав, как дрожит его голос, Ли Таогэ поспешил успокоить:

— Не паникуй! Я думаю, внешнее сходство — это совпадение, ты никак не мог встретить Шуб-Ниггурат. Во-первых, три великих бога — это не обычные внешние или древние боги, их тела размером с несколько вселенных, Земля для них — стеклянный шарик, станешь ли ты обращать внимание на пылинку на стеклянном шарике? К тому же, их восприятие времени не измеряется человеческими мерками, они спят миллионы лет, вероятность того, что они проснутся, ничтожна. Кроме того, для призыва трех великих богов нужна ужасная цена, как минимум яма с тысячей трупов или живые жертвоприношения, и то не факт, что получится. И даже если призыв удастся, высшие существа невероятно высокомерны, максимум пришлют пару своих слуг, сами не придут. Например, Шуб-Ниггурат обычно присылает своих козлят. И, в конце концов, если бы это действительно был один из трех великих богов, ты бы не остался цел и невредим, и уж точно не сохранил бы рассудок... Не говоря уже о том, что призыватели давно бы сошли с ума или превратились в кровавое месиво... Земля, скорее всего, перестала бы существовать, и мы бы тут не болтали.

Речь Ли Таогэ была преувеличенной и забавной, Бай Циюй понимал, что он специально пытается его рассмешить. Но нельзя было отрицать... его логика была безупречна. Как такие разрушительные и высшие существа могли тратить время на ничтожного человека? Если бы они действительно явились, одного взгляда хватило бы, чтобы Бай Циюй сошел с ума и превратился в хаотичную плоть.

Подумав об этом, Бай Циюй немного пришел в себя:

— Тогда... что ты предлагаешь?

— У меня две мысли, не знаю, верны ли они... Первая: то, что ты встретил — максимум слуга Шуб-Ниггурат: детеныш черной козы. Информации о них мало, говорят, они похожи на Шуб-Ниггурат, но меньше и больше напоминают биологические формы, по крайней мере, от одного взгляда на них не сходят с ума. В играх и аниме они часто выступают как боссы... Погоди, пули и жидкий азот могут помочь.

Бай Циюй горько усмехнулся:

— Даже если могут, где взять оружие или жидкий азот?

— Не спеши, — сказал Ли Таогэ. — В отличие от Йог-Сотота, знающего прошлое, настоящее и будущее, у Шуб-Ниггурат и ее слуг есть негласная черта: тупость.

— Тупость...?

— Да, именно та «тупость», которую ты себе представляешь. Для них смысл существования — размножение, вечное, непрерывное размножение. Понимай это так: при эволюции их раса вложила все очки в «размножение», а разум и мудрость им не нужны. Их легко обмануть. В наставках по Ктулху лучший способ при встрече с детенышем черной козы — бежать.

Бежать? Куда? В отель, в район Тяньчжунфэн, подальше от того дома, даже к могилам предков Фан... Хоть раз это сработало? Неизвестно почему, он всегда находил его, словно корабль, плывущий к якорю...

Бай Циюй глубоко вздохнул:

— Расскажи вторую мысль.

— Вторая мысль... возможно, мы сбились с пути из-за «совокупления», это вовсе не слуга Шуб-Ниггурат. Потому что он не только не туп, но и обладает мудростью, не уступающей нашей, а то и превосходящей ее.

Это означало, что на основе имеющейся информации сделать выводы пока невозможно.

Надежда, которая с таким трудом затеплилась, снова погасла. Однако получение этой информации было своего рода утешением: возможно, то, с чем они столкнулись, не является чем-то «непобедимым» из мифов Ктулху. Иначе, не говоря уже о Бабушке Ло, все медиумы мира вместе взятые могли бы оказаться бесполезны.

Они помолчали, и Бай Циюй с трудом сменил тему:

— ...То, что она смогла вырвать меня из лап этой нечисти, Бабушка Ло действительно очень сильна.

Видя, что он не хочет продолжать, Ли Таогэ поддержал его:

— Не преувеличиваю, еще до того, как родилась моя сестра, имя моей бабушки уже гремело повсюду. К нам часто приходили паломники со всех провинций, даже известные чиновники, звезды и иностранцы.

Бай Циюй на собственном опыте убедился в силе Бабушки Ло, но не знал, то ли она так сильна, то ли все Чумасянь обладают такими способностями. Теперь он понимал, что Бабушка Ло — одна из лидеров в кругу Чумасянь. Неудивительно, что когда он просил старого Ма найти связи, тот так мялся и в итоге дал лишь визитку Цинь Гуаньхэ. Судя по общению, Бабушка Ло не была снобом, но время и силы человека ограничены. Как и в этот раз: она помогла, вероятно, потому, что Сяо Юньэр попросила старшего Бай-сяня из ее алтаря, и потому, что ситуация была критической.

Бай Циюй вздохнул и вдруг заинтересовался:

— Но раз твоя бабушка так знаменита, почему ты всегда не верил?

— Ослеплен, наверное, — сказал Ли Таогэ. — В средней школе... я уже говорил, меня сильно напугали, и с тех пор у меня было отторжение ко всему, что связано с метафизикой. Когда ты не хочешь принимать что-то, твой разум и действия делают все, чтобы ты не верил. Мой дед до выхода на пенсию дослужился до главы района, и я обманывал себя, что люди приходят к нему ради защиты. Сейчас думаю: столько лет прошло после пенсии, кто бы стал к нему ходить?

— Но если ты не веришь в эти метафизические секреты, почему любишь изучать Ктулху и прочую мистику?

— Наверное, потому что... — Ли Таогэ задумался, — потому что это слишком страшно.

Подавляющее, чистое разрушение, с которым невозможно бороться, даже хуже стихийных бедствий, даже форму и образ нельзя осознать или увидеть. Если бы боги Ктулху действительно проснулись, мир был бы близок к краху — поэтому предположение, что они не существуют, что это вымышленные создания, делает их интересными и развлекательными.

Бай Циюй подытожил:

— Бегство от реальности.

— Кто бы спорил? — Ли Таогэ усмехнулся. — Но не думал, что это будет выбор из двух зол.

Ли Таогэ не хотел больше обсуждать темы, которые были неприятны им обоим, и заговорил о другом:

— Пару дней назад я читал интересную статью о «сущности» этого мира. Автор считает, что мир действительно был «создан». Богом, Пань-гу или высшими существами из других систем... в общем, не возник естественным путем. Он привел несколько интересных аргументов, доказывающих, что мир полон следов «создания»...

Бай Циюй такие темы не интересовали. По его мнению, даже если он столкнулся с призраком, это не значит, что мир создан богами. Возможно, из-за психологического состояния ему было проще верить, что призраки — это высшие существа, чем верить в «теорию творения». Но, видя, что Ли Таогэ полон энтузиазма, Бай Циюй вежливо спросил:

— Например?

— Ты знаешь об эффекте наблюдателя?

— Примерно. Это значит, что при измерении параметров вещества сам акт «наблюдения» влияет на его состояние? Например, учитель наблюдает за учебой ученика, и само наблюдение влияет на результат.

Бай Циюй нахмурился:

— Но, насколько я помню, в классической механике ученые отвергают эту теорию.

Оппозиционные ученые считали, что суть параметров познаваема, и если исключить погрешности и использовать правильные методы наблюдения, можно получить точный результат. Если нет — дело в методе, а не в самом наблюдении. Например, в том примере учитель может не говорить ученику о «наблюдении», а тайно следить через камеру.

Ли Таогэ кивнул: Но ты сам сказал, что это в рамках классической механики.

Когда масштаб измерения сужается до определенного предела, то есть мы входим в область квантовой механики, свойства материи меняются. Например, яблоко как целое и электрон внутри него подчиняются разным законам: три закона Ньютона перестают работать, начинает действовать эффект наблюдателя...

Короче говоря... разве всё это не похоже на отношения между игрой и кодом? Когда масштаб доходит до базовых единиц, следы творца становятся заметны. Вещи обнажают свою истинную природу.

Оба они каждый день работали с программным обеспечением, и пусть не были программистами, но кое-что о принципах написания кода понимали.

Например, тот же эффект наблюдателя — разве не похоже на ленивую загрузку?

Это термин из сферы IT, означающий отложенную загрузку данных. Грубо говоря, программа выполняет операцию загрузки только тогда, когда данные действительно нужны. В играх с открытым миром пейзаж у подножия горы, на которую смотрит персонаж, выглядит размытым. Кажется, что он есть, но на самом деле загружен лишь базовый каркас — ведь данные пока не нужны. Детали прогрузятся, только когда персонаж подойдет к подножию.

Механизм ленивой загрузки был придуман, чтобы избежать лишних затрат ресурсов. Но если мир существует сам по себе, зачем ему экономить энергию?

А еще, почему макромир так богат и разнообразен, а микрочастицы — все как одна? Разве это не похоже на картинку, которая состоит из множества цветов, но по сути является набором пикселей?

Почему у скорости света есть предел? Потому что скорость работы машины ограничена. Почему существует постоянная Планка? Потому что ограничена точность данных. Так какова цель этого механизма в природе: экономия энергии или сокрытие избыточной информации, чтобы защитить человечество?

Если человек по-настоящему войдет в размытую область карты, он обнаружит... что цвета — это пиксели, а свет медленно движется по заранее прописанной программе. Точность вычислений — это постоянная Планка. Объем информации, который человеческое тело не способно воспринять, в одно мгновение раздавит его.

Да, именно так...

Разве Бай Циюй не понимал этих вещей? Он ведь как раз всё это и переживал.

Если показать компьютер древнему человеку, — тихо произнес Бай Циюй, — он сломает монитор, картинка исчезнет, и он решит, что ядро компьютера — это экран. Так и смерть человека от повреждения мозга или сердца — не то же самое ли это, что взгляд древнего на компьютер? Познания человечества о сути мира не составляют и капли в море, никто не смог раскрыть потенциал мозга даже на одну десятую... Да, всё заблокировано...

Речь Бай Циюя становилась всё быстрее, он походил на фанатичного верующего, от него исходило странное, неуместное возбуждение, от которого у Ли Таогэ по спине пробежали мурашки. Он завел этот разговор о псевдонауке лишь ради шутки, чтобы развлечь Бай Циюя, но реакция последнего...

Ли Таогэ поспешно прервал его: Ладно! Давай не будем об этом! Прости, я не умею выбирать темы для разговора...

Но Бай Циюй растянул губы в странной улыбке, не сводя с Ли Таогэ глаз: Я просто хотел сказать... мы никогда по-настоящему не знали этот мир. Ни на секунду.

Эта улыбка на мгновение ослепила Ли Таогэ.словно сирена, вырвавшаяся из темных вод, — обольстительная, пугающая, обладающая опасной, нечеловеческой красотой. Его посетило абсурдное подозрение: человек перед ним, этот человек, излагающий столь необычные взгляды, возможно, под своей оболочкой скрывает не то существо, о котором он только что рассуждал...

Странное выражение лица исчезло так же быстро, как появилось, но Ли Таогэ, не отрывая взгляда, заметил эту перемену. У Бай Циюя была притягательная внешность, и даже привыкнув к ней, Ли Таогэ время от времени не мог не восхищаться. Но это было совсем не то восхищение.

В тот миг, когда их взгляды встретились, Ли Таогэ словно услышал шепот демона. В воздухе разлился сладкий, невероятно манящий аромат.словно сочный, спелый фрукт, который

перезрел и начал портиться. Если принюхаться, под сладостью чувствовался гнилостный, тошнотворный запах.

Под влиянием этого сладкого дурмана и злых помыслов из глубин сознания поднялись непристойные, оскорбительные мысли. словно мухи, почуявшие падаль, или голодные псы, учуявшие кость, в голове всплыли грязные желания.

— Иди сюда...

— Он достиг зрелости...

— Сорви его...

Если бы не выдержка, Ли Таогэ мог бы опозориться перед другом и коллегой. Он глубоко вздохнул, подавляя волнение, и незаметно убрал холодную руку Бай Циюя обратно под одеяло, а сам под предлогом попить воды поднялся с места.

Ты... не улыбайся так.

Бай Циюй замер: А? Я улыбался?

Ли Таогэ ответил невпопад: Ты что, духами надушился?

Духами?

Мысль прервалась, Бай Циюй растерянно пришел в себя. Вопрос показался ему абсурдным, и он горько усмехнулся: Мне сейчас до духов ли? Наверное, это запах благовоний в комнате, привыкнешь — и не будешь замечать.

Ли Таогэ не стал ни подтверждать, ни отрицать. Он пристально посмотрел на Бай Циюя, а затем, сославшись на желание покурить, вышел из комнаты и больше не вернулся.

У Бай Циюя не было ни телефона, ни часов, делать было нечего, и он снова провалился в беспокойный сон. Около полудня пришла госпожа Хань, принесла поднос и ласково разбудила его. Увидев её, Бай Циюй поспешно спросил: Как дела у того гостя, господина Лю? Бабушка Ло освободилась?

Заметив колебание на лице госпожи Хань, свет в глазах Бай Циюя погас.

Поешь немного, а потом поспи, — госпожа Хань с жалостью поставила завтрак на тумбочку. — Силы нужны, чтобы быстрее поправиться.

Бай Циюй печально покачал головой: Это всего лишь царапины, почти всё зажило...

Душевные раны — это тоже травмы, им тоже нужно время, чтобы затянуться.

Одержимость... разве одержимость считается душевной раной?

Это рана на душе, — подумала госпожа Хань. — Бабушка всегда говорит, что раны на душе гораздо серьезнее любых других. Поэтому она до сих пор продолжает заниматься этим делом.

Вспомнив, как бабушка всю ночь не спала, и как сквозь святость на её лице проступали глубокая старость и усталость, Бай Циюй проникся сочувствием. Он тяжело вздохнул: Сяо Юньэр говорила, что добрые люди голодают, а злые живут в достатке, и это несправедливо. На самом деле это не так. Просто она обратилась не к тем людям.

Кто бы спорил, — госпожа Хань тоже с трудом сдерживала гнев. — Белая бессмертная с многовековой практикой, одна из сильнейших среди своих, из-за одного обещания до сих пор защищает семью, давно утратившую веру... и даже опустилась до того, что принимает дикие подношения и поклонение детей...

Как она сейчас?

Лицо госпожи Хань смягчилось: На этой или следующей неделе вы сможете увидеться.

Скорость выздоровления превзошла ожидания Бай Циюя, он был удивлен и обрадован: Отлично! Почему так быстро? Не пропустили ли чего? Я помню, она была очень тяжело ранена...

Госпожа Хань объяснила: Раны действительно были тяжелыми, но лес — это владения бессмертных, он помог ей удержать жизненную энергию.

Энергию...?

В голове Бай Циюя промелькнули слова Ли Таогэ. Они обсуждали различия между мифологией Ктулху и другими системами. Ли Таогэ сказал, что одно из отличий — это форма существования. В Евангелии от Луки сказано, что дух не имеет плоти и костей, шаманизм и буддизм тоже считают призраков чем-то эфемерным, способным действовать лишь через человеческое тело. Чумасянь — типичный пример того, как бессмертные накапливают заслуги через своих учеников. Только достигшие просветления бессмертные, то есть боги в этих системах, имеют форму и тело. А в системе Ктулху, за исключением особых рас, и прислужники, и боги обладают физическим воплощением.

Но что толку знать об этом различии? Какая-то догадка, казалось, зарождалась, но чего-то не хватало, чтобы она окончательно оформилась.

Бай Циюй хотел спросить, имеет ли она в виду под энергией душу, но госпожа Хань не была расположена к разговорам, она велела ему поесть и ушла.

Еда была обильной: четыре блюда и каша. Помидоры с яйцом, жареные овощи, свинина в кляре и классика луской кухни — трепанг с луком. Каша была с овощами и грибами, к ней подали паровые булочки. Всё выглядело аппетитно и пахло так, что слюнки текли.

Вкусно, очень вкусно. Жевать, глотать... чувство наполненного желудка было восхитительным. Неизвестно, то ли настроение улучшилось, то ли силы были на исходе, но Бай Циюй опомнился, когда всё съел. От четырех блюд остались только соусы, булочки исчезли, каша тоже. А ведь бабушка Ло использовала большие северные чаши диаметром двенадцать сантиметров. Госпожа Хань положила щедрую порцию, даже здоровый молодой человек не осилил бы столько, но Бай Циюй не чувствовал тяжести, ему хотелось еще.

Белки, кальций... он подумал, что лучше всего подошли бы мясо, яйца или молоко. Эти питательные вещества сейчас были нужнее всего. Стейк слабой прожарки — в самый раз, мясо с кровью легче усваивается. Или лосось, тунец, свежая, сладковатая сырая рыба...

Сырая рыба? Бай Циюй вздрогнул и пришел в себя. О чем он думает?

У Бай Циюя была сильная брезгливость. Последние два года стало лучше, он перестал носить с собой дезинфицирующее средство, но страх перед паразитами остался. Не то что стейк слабой прожарки — он всегда ел только хорошо прожаренное мясо. А сырую рыбу он вообще никогда не пробовал, боясь, что в ресторанах плохо обрабатывают продукты. Раньше на корпоративе Ци Жун заказал норвежского лосося, коллеги с радостью набросились на него. Увидев, что Бай Циюй не ест, Ци Жун специально заказал для него австралийского лобстера, полметра длиной, но Бай Циюй отказался.

В комнате был мягкий свет, от которого клонило в сон, но Бай Циюй знал, что до этого не хотел спать. Эти странные и абсурдные мысли пришли к нему в здравом уме. Тошнота нахлынула вместе со страхом, он бросился в ванную, но стоило ему войти, как она странным образом прошла.

С таким трудом пополнил запасы питательных веществ, — подумал он, — нельзя тратить их впустую.

Тут же он осознал, что у него снова возникли мысли, которые не могли и не должны были появиться у Бай Циюя. Он склонился над раковиной, его снова вырвало, но ничего не вышло.

Еще немного... — прошептал он про себя. — Нужно верить бабушке Ло... всё наладится.

В два часа дня, когда солнце палило сильнее всего, пришли хорошие новости. Вернулся Цинь Гуаньхэ. Выглядел он потрепанным: лоб был перевязан бинтом, сквозь который проступала кровь. Одежда была порвана, рукава и подол испачканы чем-то черным, похожим на мазут. Он

принес ноутбук Бай Циюя, договор купли-продажи и апельсины от дедушки Куна.

Ноутбук Бай Циюй просил сам, а вот остальное... Бай Циюй не понимал: Разве не говорили брать поменьше вещей, чтобы не обнаружить себя?

Цинь Гуаньхэ покачал головой: Бессмертные велели взять всё, я и сам не понимаю.

Сказав это, он резко дернул шеей, и голос его стал резким и раздражительным: Что за дрянь ты на себя накликал, щенок! Я чуть там не остался! Ладно, принес, считай, я выполнил свой долг!

Даже зная, что одержимость бессмертными происходит непредсказуемо, Бай Циюй был поражен такой резкой переменой. Он скованно кивнул: Спасибо вам...

Да брось, спасибо... Не забудь потом замолвить за меня словечко перед Мастером Цзинцзуном! Запомнил?

Хорошо...

Шея Цинь Гуаньхэ снова дернулась, и он вернулся в нормальное состояние. Похоже, это была временная воля бессмертного, он, ничего не подозревая, продолжил: ...Раз бессмертные велели принести, значит, на то была причина. Открой, посмотри.

Бай Циюй взял вещи и осторожно разложил их на столе. Пакет с апельсинами, которые использовал дедушка Кун, лежал в прозрачном пластиковом мешке, источая странный, неопределимый запах — сладкий, приторный, словно они перезрели, но если принюхаться, в нем чувствовалась гниль. Смесь аромата и вони была настолько отвратительной, что Бай Циюя стошнило, и он сбросил пакет на пол.

Яркие на вид апельсины рассыпались. Цинь Гуаньхэ удивленно посмотрел на него, Бай Циюй, прикрывая рот рукой, пробормотал: Выбросьте их, скорее!

Цинь Гуаньхэ не стал расспрашивать, послушно собрал их и вынес из дома.

Ты не чувствуешь? — не выдержал Бай Циюй. — Эту... сладкую вонь?

Цинь Гуаньхэ покачал головой: Нет.

Простите, — сказал Бай Циюй. — Я потерял самообладание...

Он помолчал, не желая смотреть на апельсины, мельком просмотрел договор купли-продажи,

не нашел ничего странного и раздраженно отложил его в сторону. Он сменил тему: Поездка прошла успешно?

Цинь Гуаньхэ помрачнел: Как в вашем городе Цзиндэ могло появиться такое место? Фэн-шуй там отличный, почему всё так вышло?

Что значит «так»? Бай Циюй вспомнил тот жилой комплекс. Хотя здания были старыми, это же общежитие земельного управления, материалы, планировка и расположение были на высоте. Дому 94-го года, звукоизоляция до сих пор хорошая, вокруг нет высоких зданий, освещение тоже неплохое. Самый придирчивый жилец, кроме «старости», не нашел бы к чему придраться.

Однако, если присмотреться, действительно было что-то подозрительное. Двор между жилым корпусом и заброшенным офисным зданием, несмотря на простор, в любое время суток казался сумрачным. Словно небо и земля были затянуты желтоватой песчаной дымкой.

Как толькоходишь во двор, у низкой стены вдоль дороги растут беспорядочные деревья, самые толстые из которых не обхватить руками. Ивы, платаны... Бай Циюй узнавал только их. Были и другие, названия которых он не знал. Благодаря этим диким деревьям, которые не приносили никакой пользы, во дворе круглый год было полно насекомых, чуть зазеваешься — в дом заползают сороконожки. Осенью — кучи опавших листьев, сплошная головная боль. Жильцы давно жаловались, писали коллективные письма с требованием вырубить деревья, но так как в старом общежитии не было управляющей компании, а заниматься этим никто не хотел, всё оставалось по-старому.

За деревьями скапливалось еще больше мусора. Старая парковка была превращена в самодельный навес, который со временем обветшал. Там стояли разбитые велосипеды, электроскутеры и даже несколько заброшенных, покрытых пылью мотоциклов. Рядом с навесом — кучи хлама: старая мебель, которую не удалось продать и которую не забирали мусорщики, и два контейнера, накрытых черной тканью. С тех пор как Бай Циюй въехал, эти вещи так и стояли там, никому не нужные. Благодаря им у бездомных кошек и собак был дом, летом к тому месту нельзя было подойти — вонь от экскрементов стояла невыносимая.

В общем, эти густые тени деревьев, низкие стены, хлам и самодельный навес, переплетаясь, напоминали костлявые руки, от вида которых Бай Циюй всегда становилось не по себе. Прожив там больше года, он никогда не задерживался на балконе дольше, чем требовалось для сушки белья или проветривания.

Неужели... может, дело не только в нем, а и в самом общежитии? Эта догадка была неприятной. Он невольно вспомнил галлюцинацию, в которой окна всех домов были закрыты чем-то черным и раздувающимся, а также сплетни Ли Мэйгуй о массовых самоубийствах и расчлененке в 2013 и 2014 годах. Чужие болезненные воспоминания давили на него, и он поспешно отогнал их.

Но эти мелкие, накапливающиеся «неприятные ощущения» появились у Бай Циюя лишь

спустя год жизни там. Откуда о них знает Цинь Гуаньхэ?

Бай Циюй неуверенно спросил: Можете рассказать подробнее? Вы сказали, что фэн-шуй хороший, почему же тогда называете место жутким?

Цинь Гуаньхэ объяснил: Дело в энергии. Смертоносная энергия. Это сложно объяснить, представьте себе магнитное поле... — он слегка коснулся лба, движение было быстрым, Бай Циюй не успел разглядеть, куда именно. — Страх смерти — это механизм самозащиты, заложенный в наши гены еще со времен охотников-собирателей. В эпоху земледелия эта функция стала менее востребованной, её приоритет в процессе эволюции снизился, она даже начала деградировать... Но это не значит, что её нет. Например, при виде трупа сородича человек испытывает страх и желание убежать, а при виде курицы или рыбы — нет. То, о чем я говорил, — это функция, которая у большинства людей атрофировалась. А способность чувствовать энергию — это атавизм, сохранившийся у немногих. Следы всего, что когда-либо существовало, не так-то просто стереть, — подумал Цинь Гуаньхэ. — Вы же планировщик игр, вы лучше меня понимаете в программных данных. За работой программ стоят сложные потоки данных, даже если их удалить, существуют более скрытые пути для их отслеживания. Вот так и здесь.

Цинь Гуаньхэ был хорошим учителем, объяснял просто и понятно, и Бай Циюй быстро понял, что он пытался сказать.

Во дворе умерло много людей. Настолько много, что даже при мимолетном визите Цинь Гуаньхэ почувствовал «смертоносную энергию», от которой сработали инстинкты самосохранения.

А следующая фраза Цинь Гуаньхэ прозвучала как гром среди ясного неба: Раз уж вы в духе, вам рано или поздно придется узнать, я скажу прямо... — он вздохнул. — Когда я приехал, первый подъезд был полностью оцеплен, мне пришлось просить знакомого полицейского, чтобы он поручился за меня, только так я смог войти.

Оцеплен? Почему?

Первое, о чем подумал Бай Циюй, — что-то случилось в квартире на четвертом этаже. Неужели за те несколько дней, пока не было защитника, случилось...

Но Цинь Гуаньхэ сказал: В восточной квартире на третьем этаже нашли труп, полицию вызвал газовщик.

Это была та самая молодая пара.

Когда я посчитал, что их судьба не должна была так закончиться, я проконсультировался с полицейским. Он сказал, что смерть подозрительная: газовщик стучал, никто не открыл, он почувствовал невыносимую вонь и вызвал полицию. Когда они выломали дверь, тело было в

стадии сильного разложения, почти скелетировано, поэтому трудно было определить время и причину смерти.

Самоубийство? — Бай Циюй тут же опроверг себя. — Должно быть, убийство, иначе не стали бы оцеплять подъезд.

Господин Бай проницателен, — кивнул Цинь Гуаньхэ. — По обыкновению, они опросили круг общения погибших, включая соседей, друзей, родственников... и выяснили, что последний раз их видели неделю назад. Но за неделю при нынешней температуре и влажности тело не могло скелетироваться.

Кто-то избавился от трупа.

Да.

Бай Циюй тяжело вздохнул: Невероятно...

Он был знаком с парой с третьего этажа лишь мельком, точнее, всего один раз. Но это были живые люди, и их смерть была такой странной, что трудно было не думать об этом.

Когда я приехал, они как раз опрашивали жильцов вашего подъезда.

Выяснили что-нибудь?

Пока нет. Но... жильцов в вашем подъезде очень мало, — вспомнил Цинь Гуаньхэ. — На втором этаже никого. На первом, третьем, четвертом и вашем пятом — по одной квартире. Вас два дня не было дома, неудивительно, что смерть на третьем этаже обнаружили так поздно.

Да, — насмешливо сказал Бай Циюй. — Как только съеду, обязательно найду место, где побольше людей.

Подождите... Откуда Цинь Гуаньхэ знает, сколько там жильцов? Ответ напрашивался сам собой. Сейчас рабочий день, Ли Сяоцзе на работе, так откуда Цинь Гуаньхэ знает, что на четвертом этаже кто-то живет?

Подавляя тревогу, он тихо спросил: Когда полиция пришла, они опрашивали четвертый этаж?

Цинь Гуаньхэ замер: Откуда вы знаете? Жилец четвертого этажа — мужчина средних лет, открыл сразу, увидев полицию, очень разволновался, кричал что-то вроде «спасите меня», трусливый оказался.

Конец. Всё кончено...

Ответ подтвердил догадку Бай Циюя: Фан Чэн был заперт Ли Сяоцзе у себя дома. А причина... Сначала Бай Циюй думал, что это собственничество Ли Сяоцзе. Но в тот день в разговоре с ней были странные моменты: она не винила Бай Циюя, но сказала, что ради своей репутации не позволит ему приближаться к Фан Чэну. Казалось бы, логично, но если вдуматься, возникает противоречие: человек, который мыслит здраво и ценит справедливость, вдруг печется о репутации человека, который сам является жертвой? А те истеричные крики «держись от него подальше»... Похоже, под «ним» она имела в виду не только Фан Чэна, но и «Его». Оказывается, еще до того сообщения она его предупреждала.

Зубы Бай Циюя застучали от дрожи, огромный страх снова нахлынул на него, он обхватил себя руками, чувствуя, как всё плывет перед глазами.

Всё испорчено... — пробормотал он. — Фан Чэн умрет...

Сердце Цинь Гуаньхэ екнуло, он, не заботясь об утешении Бай Циюя, который явно впал в неадекватное состояние, тревожно спросил: Почему вы так говорите?

Сяо Юньэр нет... Ли Сяоцзе не сможет его защитить, — тихо сказал Бай Циюй. — Это всё ложь... Всё, что вы видели... Дверь четвертого этажа открыла не полиция, а Он...

Может, пара с третьего этажа действительно умерла, а может, и нет, и вообще, существовали ли они — загадка. Но у Бай Циюя уже не было сил разбираться, где правда, а где ложь.

Успокойтесь, — Цинь Гуаньхэ взял лицо Бай Циюя в свои сильные руки, глядя ему прямо в глаза. — Смотрите на меня, глубокий вдох. Выдох, вдох... Выдох, вдох... Лучше?

Бай Циюй крепко зажмурился, отчетливо слыша стук собственных зубов: Последний вопрос. Бабушка Ло... снова не может прийти и разобраться с моими делами?

Цинь Гуаньхэ удивленно кивнул: Госпожа Хань вам сказала? Я хотел сказать в конце. Не знаю, что происходит, многие старые клиенты вдруг начали жаловаться на рецидивы, бабушка Ло, господин Ши, маленькая фея... все братья и сестры заняты по горло, разрываются на части.

Он утешил его: Не волнуйтесь, ваше состояние стабильно, здесь безопасно, как только бабушка закончит с экстренными делами, она придет вам на помощь.

...

Так и есть.

Это «Он» строит козни, чтобы дестабилизировать ситуацию.

Все говорят, что до тридцати лет обязательно нужно прочесть Камю. Бай Циюй перечитывал его книги снова и снова, но одну фразу из Чумы так и не мог понять: «...он предвидел это, но, когда пришло время, ему всё равно было невыносимо больно...»

Теперь Бай Циюй понял.

Последняя надежда рухнула. Бай Циюй оцепенело сполз по изголовью кровати: Я так и знал... С чего бы Ему быть таким добрым и позволять мне надеяться, что всё пройдет гладко?

Под нерешительным взглядом Цинь Гуаньхэ он медленно повернул к нему свои ясные, как горный ручей, глаза, в которых застыл холод.

Если бы я был на твоём месте, я бы немедленно связался с тем твоим знакомым полицейским и спросил, посылали ли они сегодня кого-нибудь с проверкой в общежитие старого Управления земельных ресурсов.

Цинь Гуаньхэ вздрогнул: С чего вдруг такой вопрос?

Ты сам только что сказал: тот полицейский после опроса родственников выяснил, что в последний раз жильцов восточной квартиры на третьем этаже видели неделю назад. Тогда почему ты сегодня столкнулся с полицейским?

Глаза Цинь Гуаньхэ расширились: Черт!

И правда. Как сосед, он должен был быть первым в списке опрашиваемых! А раз полицейский уже сообщил ему результаты расследования, значит, тот, кого он встретил сегодня...

Это была та тварь, — тихо произнес Бай Циюй. — Она знает, что я здесь, и знает, зачем ты уходил. Она сделала это намеренно.

Намеренно, через слова Цинь Гуаньхэ, передала ему: не трать силы на бесполезные попытки, сдавайся. Иначе по твоей вине погибнет Фан Чэн.

Ситуация была критической, и Цинь Гуаньхэ, не став допытываться, бросил на Бай Циюя глубокий взгляд: Подожди... я сначала позвоню.

Его фигура в широких одеждах с длинными рукавами поспешно скрылась в глубине коридора. Бай Циюй отвел взгляд и холодными пальцами принялся перебирать вещи, которые принес Цинь Гуаньхэ.

Ноутбук, договор аренды, пакет апельсинов.

Договор был подписан полтора года назад. После подписания Бай Циюй небрежно засунул его в шкаф и больше никогда не открывал. Но раз бессмертный дух Цинь Гуаньхэ принес его, значит, на то была причина. Он принялся внимательно, строчка за строчкой, изучать документ и, перевернув третью страницу, увидел имя, которое лишь подтвердило его догадки.

Чжан Ихэ.

Тогда Дедушка Кун говорил так: Мой сын и невестка — госслужащие... Я побоялся, что если это всплывет, то навредит их работе, поэтому в договоре указал данные моего дальнего родственника.

Бай Циюй тогда сомневался, зачем такие сложности, но старик выглядел простодушным и честным, а у старшего поколения часто бывают странности, которые молодежи не понять, поэтому он не стал копать глубже.

Он резко перелистнул договор назад, вчитался во второй пункт правил, и сердце его сковал ледяной холод.

...Второе: все предметы, находящиеся в доме, являются собственностью владельца. В случае порчи, износа или иных споров владелец имеет право на взыскание.

Пока он не знал, кто настоящий владелец, для человека, далекого от юридических тонкостей, этот пункт казался вполне обычным. Теперь же эта игра, с самого начала бывшая лишь ловушкой, наконец сбросила свою маску.

Проблемным контрактом был вовсе не тот, что они подписали при переезде, а этот, который все это время оставался без внимания.

Бай Циюй весь дрожал. Даже зная, что здесь безопасно и Бабушка Ло защитит его, он... он так хотел закричать, хотел сорваться, хотел, как никогда раньше, бросить вызов Тому, кто играл им, словно домашним питомцем.

Затылок пронзила острая боль, в желудке заворочались голод и тошнота. Он почувствовал невыносимый запах морской гнили, исходящий из каждой тени в комнате.

Он глубоко вдохнул и с ненавистью произнес: Ты здесь, верно? Выходи, нам нужно поговорить.

По комнате пронесся легкий ветерок, словно в воздухе что-то всколыхнулось.

Он продолжил: Я знаю, что ты еще здесь. Раз уж ты сегодня так окольными путями водил меня

за нос, значит, хочешь продолжить наше соитие, так?

Теперь я говорю тебе: я согласен. Но прежде мы заключим сделку... или, если хочешь, пари.

Поднялся ураган.

Жиденькие тени, притаившиеся по углам, начали стремительно разрастаться. Мрак нахлынул со всех сторон, сопровождаемый тысячами шепчущих голосов.

Он пришел.

<http://bllate.org/book/18696/1806997>